

П. Пезаровиус

**Краткая история газеты
"Русский инвалид"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Пезаровиус**
Краткая история газеты "Русский инвалид" / П. Пезаровиус – М.: Книга по Требованию, 2021. – 39 с.

ISBN 978-5-517-91790-4

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1843 года.

ISBN 978-5-517-91790-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

меня до того, что, будучи еще тринадцатилѣтнимъ отрокомъ, радостно отказался бы я отъ удовольствія носить мундиръ, только позволили бы мнѣ вступить въ военную службу и въ рядахъ русскихъ солдатъ биться за Россію. Но «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ опредѣляетъ»— и Онъ опредѣлилъ иначе, и я долженъ былъ ограничиться только тѣмъ, что во время повторенія географическихъ уроковъ, совершалъ походы на ландкартѣ, строилъ батареи въ нашемъ саду, читалъ «Семилѣтнюю Войну» Фридриха II, и писалъ военныя мелодрамы, въ которыхъ, въ послѣднемъ актѣ сцена покрыта была Янычарами (тогда была Турецкая война), павшими подъ штыками Русскихъ. Сія страсть къ военной службѣ пробуждалась во мнѣ и послѣ по временамъ. Такъ напримѣръ, въ 1810 году (бывъ уже Членомъ Коллегіи и Надворнымъ Советникомъ) я чувствовалъ величайшую охоту выучиться ружейнымъ приѣмамъ; а какъ днемъ служебныя занятія мнѣ того не позволяли, то въ лѣтніе мѣсяцы того года я вставалъ въ два часа по полуночи и отправлялся пѣшкомъ отъ Семеновскаго моста, гдѣ я жилъ тогда, въ Милліонную, въ казармы Л.-Гв. Преображенскаго

полка. Здѣсь оба мои учителя, унтеръ-офицеры *Катеновскій* и *Черняевъ* (съ которымъ я имѣлъ удовольствіе свидѣться послѣ Французской кампаніи) столь основательно занимались моимъ обученіемъ, что синія пятна на лѣвомъ боку моемъ свидѣтельствовали, какъ объ усердіи учителей, такъ и о прилежаніи ученика (*). Умалчиваю о другомъ, гораздо позднѣйшемъ припадкѣ любви моей къ военной службѣ, — припадкѣ, который заставилъ меня обучаться, подъ руководствомъ покойнаго отличнаго барабанщика Конно-Гвардейскаго полка, *Васильева*, инструменту, не употребляемому при нѣжныхъ серенадахъ. Съ такою любовью къ военному дѣлу соединялась у меня еще столь же сильная ревность къ славѣ Русскаго оружія. Отъ того *Суворову* обязанъ я самыми радостными днями моей молодости. Блестящія побѣды его при

(*) *Катеновскій* вышелъ въ Армію Прапорщикомъ, въ 1811 году.

Черняевъ, нынѣ 72-хъ-лѣтній старецъ, состоитъ Штабсъ-Капитаномъ при Павловской пнвалідной № 2-го ротѣ; въ службу вступилъ въ 1787-мъ году, былъ при взятіи Очакова и Измаила, въ сраженіяхъ противъ Французовъ и при взятіи Парижа въ 1814 году. — Да похочется на своихъ лаврахъ почтенный Федоръ Михайловичъ!

Рымникъ, Треби и Нови, вѣчно памятный переходъ его черезъ Альпійскія горы, наполняли меня чувствомъ энтузіазма, оживляющимся еще и теперь со всею силою въ душѣ моей при воспоминаніи Суворовскихъ побѣдъ и Суворовской славы. Пусть вообразятъ теперь, что перетерпѣлъ я съ цѣлою Россіею во время нашествія непріятеля въ 1812 году на святую Русь — эпоху страданій и вмѣстѣ прекраснѣйшаго обнаруженія любви Русскихъ къ Отечеству, въ сію истинно-религіозную эпоху, когда ежедневно храмы столицы переполнены были людьми всѣхъ состояній, которые, обращаясь съ сердечными мольбами къ Тому, отъ Кого исходитъ всякая помощь на землѣ, ко всемогущему Господу Силь, молили Его объ избавленіи Отечества отъ враговъ, и, наконецъ, когда настало время, Имъ опредѣленное — были услышаны. За то, кто могъ бы выразить чувство радости обитателей столицы и торжество благодарности, когда пламенные упованія ихъ исполнялись, когда пушки Петро-Павловской крѣпости возвѣщали рѣшительныя побѣды подъ Гартиннымъ и Малоярославцемъ, и, наконецъ, отступление, наносившее смерть и гибель ненавистному врагу!

Тогда душою моею овладѣло пламенное желаніе указать всѣмъ и каждому на то, какой благодарности заслуживали отъ насъ наши защитники - герои за свое непоколебимое мужество и самоотверженіе, увѣнчавшіяся освобожденіемъ Отечества. Но что въ силахъ былъ я сдѣлать съ незначительными средствами, какія находились въ моемъ распоряженіи? Все, что тогда могъ я назвать своимъ, состояло только въ счастливой безпечности на счетъ завтрашняго дня, да въ жаловань изъ 2250 рублей ассигнаціями, изъ котораго я уже обязался жертвовать 750 рублей на все время войны (*). И сколько ни ломалъ я себѣ голову, никакъ не могъ рѣшиться предпринять что - либо; ибо для всякаго предпріятія потребны были — деньги, а ихъ-то у меня не было. — Наконецъ, въ Январѣ 1813 года, вдругъ пришла мнѣ мысль издавать газету. Эта мысль сильно занимала меня, потому что въ ея исполненіи видѣлъ желанный случай не только передавать и съ своей стороны во всеобщее свѣдѣніе описаніе подвиговъ нашихъ вои-

(*) Тогдашній Министръ Юстиціи, Ив. Ив. Дмитріевъ, отношеніемъ своимъ отъ 27 Августа 1812 года, объявилъ мнѣ Высочайшее благоволеніе за это пожертвованіе.

новъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и приобрести возможность доставить какое нибудь облегченіе хотя 50-ти или даже ста инвалидамъ, которые, возвращаясь на родину, пойдутъ черезъ Петербургъ. Вотъ цѣль моего стремленія — цѣль очень скромная и, по справедливости, не высокая! О томъ, чѣмъ въ послѣдствіи времени сдѣлалась газета, я не думалъ и никто не могъ того предвидѣть. И такъ, рѣшившись издавать газету, я приступилъ къ исполненію своего намѣренія безъ всякаго плана (какъ показано будетъ ниже), и при томъ съ такою поспѣшностью, что неожиданный успѣхъ моего періодическаго листка по истинѣ должно приписать одному только благословенію Свѣтисе. Мнѣ въ этомъ дѣлѣ принадлежало, какъ говорится, по крайней мѣрѣ доброе желаніе. Но кто производитъ въ человѣкѣ доброе желаніе и вспомошествоуетъ исполненію? «Богъ бо есть, дѣйствующій въ васъ, и еже хотѣти и еже дѣлати о благоволеніи.»

Когда я отправился къ тогдашнему Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, для испрошенія позволенія на изданіе газеты, задуманной за два дня передъ тѣмъ, я не зналъ еще, какое дать ей названіе, и только въ пріемной Министра пришло

мнѣ на умѣ назвать ее «Русскимъ Инвалидомъ». Получивъ разрѣшеніе, я поспѣшилъ къ типографщику, у котораго печатался тогда «Сынъ Отечества». Но когда почтенный типографщикъ (Г. Дрекслеръ), приступавшій къ дѣлу гораздо разсудительнѣе меня, спросилъ, могу ли я дать ему въ задатокъ 1500 руб., и когда я внятно отвѣчала «нѣтъ» переговоры наши и кончились. Послѣ нѣсколькихъ столь же бесполезныхъ попытокъ, я наконецъ нашелъ въ покойномъ книгопродавцѣ *Г. Плюшаръ* такого человѣка, какой мнѣ былъ нуженъ. На объявленіе мое о желаніи издавать газету на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, а денегъ къ тому не имѣю, онъ отвѣчалъ шутиливымъ и для меня весьма пріятнымъ образомъ: «Eh bien, à fur et mesure qu'il y aura des abonnés, nous ferons votre gazette, et si dans un mois, il ne s'en présenterait plus — nous fermerons la boutique.» («По мѣрѣ того, какъ будутъ являться подписчики, мы станемъ печатать газету, а если черезъ мѣсяць ихъ не прибудеть, закроемъ лавочку, и дѣло съ концомъ»). Послѣ такихъ весьма утѣшительныхъ для меня словъ, я думалъ, что газета уже существуетъ, а о томъ, что для существованія ея нужны также и читатели, я помышлялъ

мало, такъ что программа, долженствовавшая предшествовать появленію газеты, явилась *вмѣстѣ* съ первымъ ея нумеромъ, 1-го Февраля 1813 года. Отъ того, число подписчиковъ въ С.-Петербургѣ (иногородныхъ не было ни одного) простиралось тогда только до 6-ти, а чрезъ нѣсколько дней возрасло до 12-ти. Но въ семь весьма небольшомъ числѣ пренумерантовъ находились, всегда столь благодушно споспѣшествующіе и покровительствующіе всему общеплезному въ Отечествѣ, Августѣйшіе Члены Императорской Фамиліи. Первые подписались на новую газету — въ Божѣ почивающія Императрицы МАРІЯ Ѳеодоровна и Елисавета Алексіевна, а потомъ Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья (нынѣ благополучно царствующій Императоръ) Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ и Великая Княжна (нынѣ Королева Нидерландская) Анна Павловна. Подписка Августѣйшихъ Членовъ Императорскаго Дома доставила мнѣ 1400 рублей. Изъ сихъ денегъ типографщикъ получилъ только 75 руб., сколько слѣдовало собственно за подписку по цѣнѣ газеты (въ первый годъ подписная цѣна за годовое изданіе была 15 руб.), а осталь-

ные 1325 руб. отложены были въ сторону, какъ принадлежащіе инвалидамъ, которыхъ въ Февралѣ мѣсяцѣ еще не было въ Петербургѣ. Первый номеръ, равно какъ и прочіе номера, слѣдовавшіе за тѣмъ въ теченіе Февраля (каждую Субботу выходило по одному номеру), заключали въ себѣ только перепечатанныя реляціи о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ за границею, нѣсколько статей изъ «Сѣверной Почты» (*) объ опустошеніяхъ, коими ознаменованъ былъ походъ всеобщаго врага отъ Нѣмана до Москвы и самое пребываніе его въ Москвѣ; далѣе, извлеченія изъ старыхъ иностранныхъ газетъ, отпускаемыхъ мнѣ, по благосклонности чиновниковъ Газетной Экспедиціи, когда никто уже не хотѣлъ читать этихъ газетъ, и, наконецъ, тамъ и сямъ помѣщались разные военные анекдоты, истинные или вымышленные. И этотъ недостатокъ въ новостяхъ, — повѣрятъ ли читатели? — происходилъ отъ того, что я не подумалъ о необходимости выписать хоть одну иностранную газету, въ то время, когда наши войска

(*) Газеты, издававшейся тогдашнимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

уже перешли за границу! Со всѣхъ сторонъ слышалъ я предсказаніе, что «Инвалидъ» скоро умретъ отъ *ранъ своихъ* . . . Но подобныя пророчества не дѣлали на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія: въ душѣ моей таилось какое-то чудное убѣжденіе, что все пойдетъ хорошо; а какимъ образомъ это сдѣлается, — я не зналъ. Но дѣйствительно уже къ концу перваго мѣсяца все измѣнилось къ лучшему, хотя измѣнилось въ слѣдствіе обстоятельства, которое, — будь я не въ такомъ расположеніи духа, какъ тогда, — сильно обезпокоило бы меня, и можетъ быть совершенно лишило бы бодрости. Именно, въ теченіе цѣлаго перваго мѣсяца, статьи для Русскаго листка переводилъ извѣстный въ отечественной литературѣ нашей и особенно прославившійся своею грамматикою, почтенный А. X. *Востоковъ* (*), но потомъ ученыя и служебныя

(*) Были также двое молодыхъ чиновниковъ, дружески предложившихъ мнѣ свои услуги для перевода прокламцій къ Германцамъ, печатавшихся за границею и получавшихся мною по временамъ. Эти прокламціи сообщалъ мнѣ по дружбѣ бывший въ то время Полковникъ (нынѣ Петергофскій Комендантъ) Ген. *Эйхенъ*, которому присылались онѣ изъ арміи отъ тогдашняго Генераль-Квартирмейстера, Генер.-Лейтенанта (въ послѣдствіи времени Графа) *Толь*

занятія не позволили ему долѣе помогать мнѣ, и онъ увидѣлъ себя въ необходимости, къ сердечному моему сожалѣнію, покинуть эту работу. Такъ какъ «Русскій Инвалидъ» выходилъ въ то время разъ въ недѣлю, то я имѣлъ время приискать другаго сотрудника. Дня черезъ два уже рекомендовали мнѣ человѣка, котораго описывали очень способнымъ къ этому дѣлу, но гордымъ и вспыльчивымъ до такой степени, что онъ часто приходилъ въ сильное раздраженіе тогда, какъ нельзя было отгадать ни малѣйшаго къ тому повода; мнѣ совѣтовали обращаться съ нимъ какъ можно осторожнѣе. Этотъ чиновникъ служилъ тогда въ почтовомъ вѣдомствѣ, — и такъ какъ съ тѣхъ поръ протекло уже тридцать лѣтъ, а онъ самъ давно умеръ (въ 1816) и въ сей промежутокъ времени въ почтовомъ управленіи измѣнилось все совершенно, — то, я надѣюсь, меня не упрекнутъ въ нескромности, если я здѣсь, при улучшеніи участи «Русскаго Инвалида», войду въ нѣкоторыя подробности, которыя могутъ служить доказательствомъ, какъ, безъ моего содѣйствія и предвидѣнія, все споспѣшествовало успѣху моего предпріятія.